

Виктория Ушинскене
Вильнюсский университет

Этимологические заметки. II *
(К вопросу об использовании диалектных и исторических
данных в этимологии)

В диалектном ландшафте нередко сохраняются промежуточные этапы диахронических изменений, вследствие чего они оказываются как бы развернутыми в пространстве [Толстой 1968, 342]. Хорошей иллюстрацией здесь может послужить история русского литературного слова *щепетильный* ‘до мелочей последовательный и принципиальный по отношению к чему-л.’. Его внутреннюю форму проясняют диалектизмы *щэпет* ‘наряд, убор; галантерея’, ‘вырезка у сарафана сзади’, *щепетить* ‘наряжаться, модничать’, *щепетливый* ‘щегольской’, *щепеткой* ‘разборчивый, взыскательный на мелочи, привередливый’ [Даль IV, 655]. Семантика последних в свою очередь позволяет соотнести русские слова с лит. диал. *skēpeta(s)*, ум. *skepetėlė* ‘шлаток, отрезок ткани, лоскут, тряпка’, лтш. *škēpele* ‘осколок’, ср. [Откупщиков 1986, 192], и тем самым — вопреки неуверенности Фасмера [IV, 503] — рассматривать рус. *щепетильный* в ряду *щепá* ‘мелочь, осколок, черенок’, *щепать* ‘расщеплять, прививать’, относящимися к праслав. гнезду *ščęp-/*ščęp- < и.-е. *(s)kęp-/*(s)kęp- ‘колоть, расщеплять, отрезать’.

Без привлечения диалектного материала трудно было бы установить также генетические связи уничижительного русского наименования неприятной, вздорной женщины *мымра*, являющегося изолированным в литературном языке. В говорах данная лексема и ее фонетические варианты — *мы́мря*, *му́мра*, *му́мря* отмечены в значениях ‘домосед’, ‘ротозей, зевака’, ‘угрюмый, скучный человек’ [Даль II, 359; СРНГ 19, 57], также не лишенных оттенка пейоративности. Формально и семантически упомянутые существительные соотносятся

* Первая работа из этой серии см. [Ушинскене 1999а].

с диалектными глагольными формами *мы́мреть* ‘невнятно говорить’ [СРНГ 19, 57], *му́мрить* ‘шамкать’ [СРНГ 18, 345], в свою очередь имеющими соответствия в других славянских языках: ср. польск. *tam-rotać* ‘бормотать’, диал. *tamrać, mimrać, tumrać* ‘то же’ [Warsz. II, 870; Brückner, 384]. Последние рассматриваются в этимологической литературе как продолжения праславянской глагольной основы **tьrm-* ‘бормотать, неясно говорить’ (с метатезой в группе **-rm-*), звукоподражательной по происхождению, ср. рус. диал. *мормотать* ‘бормотать, ворчать’, срб.-хрв. *мрмѠтати*, польск. диал. *marmotać, murmotać*, словц. *mrmotat’* ‘то же’ и т.п. [ЭССЯ 20, 250–252]. Именно звукоподражательным характером слова объясняется высокая степень фонетической вариантности его основы [Осипова 1989, 165]. Развитие значений, представляющих собой пейоративные характеристики человека, предполагает следующую семантическую эволюцию: ‘невнятно говорящий’ → ‘угрюмый, ворчун’/‘рохля’ → ‘неприятный человек’.

Часто, однако, трудности вызывает этимологизация самих диалектизмов, требующая тщательного изучения их формальных и семантических связей, особенно в тех случаях, когда изучаемая словоформа представляет собой единичное локальное образование. Не случайно одной из наиболее слабых сторон словаря Фасмера признаются неточности, допущенные им при этимологизации диалектной лексики [Ларин 1986, 8–9]. Причиной подобных трудностей нередко становится фиксация в диалектных словарях сугубо фонетической записи слова, отражающей особенности местного говора. Так, этимологически темным словом признается пск. *вѠхат(ь)* ‘внутренности коровы, птицы’ [СРНГ 5, 165], хотя, на наш взгляд, здесь вполне возможно предположить фонетическое преобразование — с протетическим *в-* (ср. диал. *вѠрган* ‘орган’) и отражением аканья (в заударном слог) — старого русского названия кишечника *Ѡход* [Даль II, 773] < **ход-* (ср. польск. *odchód* ‘прямая кишка’, а также семантически близкие *okrążnica, przewód* ‘кишечник’ [Warsz. III, 575, 749; V, 241]; кстати, авторы *Псковского областного словаря* [5, 1983] записывают эту лексему в литературной орфографии как *вѠхот*, считая ее вариантом слова *охот*).

Значение другого диалектизма — *аксѐн* ‘внутренности рыбы’ (дон.) [СРНГ 1, 227] — позволяет думать о значительном фонетическом преобразовании (развитии протетического гласного, изменении подударного корневого *е-* в *о-*, отвердении конечного согласного) старого славянского термина *ксень* < **късень*, семантическое развитие которого восстанавливается как ‘нечто прокисшее → отходы → внутренности рыбы (не употребляемые в пищу) → конкретный орган (желудок, печень)’ [ЭССЯ 13, 245].

Диалектизм *пушка*, отмеченный в Картотеке СРНГ как локальное наименование большого живота, по всей вероятности, следует рассматривать как фонетическую запись лексемы *пу́жка* — распространенного в говорах деминутива от *пу́га* 'нечто выпуклое: возвышенность, тупой конец яйца, пятка, гузка и т.п.' (ср. также диал. *пуган* 'толстяк'), сопоставимых с лтш. *pāuga* 'подушка', *puġulis* 'возвышение', греч. *πῦή* 'зад' [Фасмер III, 399].

Следует заметить, что этимологизация диалектных наименований, в особенности реконструкция семантических отношений, должна проводиться с учетом всех требований современного этимологического анализа, предполагающего изучение слова не только в составе словообразовательно-этимологического гнезда, но и в контексте соответствующего синонимического ряда с учетом характерных для него устойчивых моделей семантического развития.

Иногда отсутствие четких этимологических решений объясняется недостаточным вниманием к культурно-историческому фону. Примером могут послужить этимологические версии, предлагаемые словарями по отношению к зап. *вѣтрях*, *вѣтрѣх* 'домосед', 'рубец из рогатой скотины' [Даль I, 188; СРНГ 6, 80]. Существующие толкования исходят из признания вторичности формы *вѣтрях*, оставляя предполагаемые фонетические изменения без какой-либо мотивации. Так, Даль предполагает развитие данной лексемы из первоначального *вотрях, сопоставляя последнее со словами *вѣтра*, *вѣтря* 'опилки, мелкая солома, обмолоченный колос'. Само *вѣтра* рассматривается в этимологической литературе как приставочное образование от глагола *тереть*: *о-търа ← *об-търа [Фасмер I, 358]. Переход префиксального *о-* в *е-* объяснить трудно, что создает серьезное препятствие для такого сопоставления. Другая этимология предлагается в [ЭССЯ 6, 72], где пск. *вѣтрях* включается в гнездо слав. **etro-* 'внутренности, утроба', однако такой подход, как и предыдущий, предполагает значительное преобразование первоначальной формы слова, что требует дополнительных доказательств.

Можно предложить, однако, более реалистическую реконструкцию внутренней формы диал. *вѣтрях* связав его с др.-рус. *вът(е)рь*, *вътры* мн. 'газы в кишечнике', *вътрость* 'метеоризм', *вътрогонный* 'способствующий выходу кишечных газов' [СРЯ 2, 124–125]. Параллели в славянских и других индоевропейских языках указывают на значительную древность семантической модели 'ветер' → 'кишечные газы', ср. в отмеченных значениях хрв. *vjětri*, чеш. *větry*, польск. *wiatr*, *wiatrunek*, англ. *wind*, а также лит. *vėjūoti* 'веять, дуть' и 'портить воздух'. В свете вышеназванного *вѣтрях* 'желудок' следует рассматривать

как суффиксальное производное от *вет(е)р* ‘кишечные газы’. Суффикс *-их* привносит оттенок пейоративности; значение ‘домосед’ могло развиваться через промежуточные ‘обжора’, ‘бездельник’.

Знание реально-исторического контекста облегчает понимание внутренней формы еще одного регионализма, найденного у Даля. В качестве одного из обозначений *сычуга* — желудка у жвачных — им приводится слово *рогоवेशка* [IV, 100], которое формально вполне соотносится с лексемами *рог, роговой*. Однако Даль помечает слово *рогоवेशка* вопросительным знаком, указывая на сомнения в точности толкования или написания слова. В других словарях, в том числе областных, слово *рогоवेशка* нами не обнаружено. Однако у Срезневского в статье *кишка* [I, 1211] приводится иллюстрация, где в значении ‘желудок’ выступает словосочетание *кишка роговая*: Да дасть жерцю ... *кишку роговую* (Втз. XVIII–XIV в.). Отмеченное словосочетание позволяет думать, что диал. *рогоवेशка* ‘сычуг’ действительно может рассматриваться как суффиксальное производное от прилагательного *роговой* ‘относящийся к рогу, напоминающий рог’ (ср. также глагол *роговеть* ‘обращаться в роговое вещество, твердеть’). Как известно, оболочка желудка очень толстая, жесткая, неровная и в какой-то мере напоминает роговое вещество. Такое сравнение, вероятно, и легло в основу наименования *рогоवेशка*.

Зачастую именно привлечение исторического материала способствует поиску наиболее убедительных этимологических решений. Так, сопоставление диал. *почечуй, почучуй* ‘пузырь в заусенице ноги у лошади’, ‘желудок животного (кабана, медведя)’, ‘геморрой’ [Карт. СРНГ] с диал. *чѣча, чечуля* ‘ломоть хлеба’, *чѣчинка* ‘порошинка, крошка’ [там же] становится возможным исключительно на фоне форм и значений, представленных в старых травниках и лечебниках: *чечуй, чечуйная немощь, чечуйная болезнь* ‘геморрой’, *почечуйная трава* ‘трава, прикладываемая к геморроидальным шишкам’ [Карт. СРЯ]. Это сопоставление позволяет предложить новую этимологию рус. *почечуй*, рассматривая его не как сомнительное производное от глаголов *чесать* или *течь*, ср. этимологии Бернекера и Соболевского в [Фасмер III, 347], но как суффиксально-префиксальное образование от праславянской основы **čeč-* / **koč-* [Меркулова 1988, 307–309; Ушинскене 1999, 111–113]; исходное значение этой основы ‘нечто неровное, выпуклое; нарост, шишка’ вполне могло послужить семантической базой для наименований соответствующей болезни, а также желудка, внутренняя оболочка которого покрыта всевозможными складками и выпуклостями (ср. *рогоवेशка*) (о продуктивности данной семантической модели см. [Ушинскене, там же]).

ЛИТЕРАТУРА

- ль В.И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. I–IV. 2-ое изд. С.-Петербург–Москва, 1880–1882 (1955).
- рт. СРНГ = Картоoteca Словаря русских народных говоров (Петербургское отделение Института языкознания РАН).
- рт. СРЯ = Картоoteca Словаря русского языка XI–XVII вв.
- рин Б.А., 1986: Предисловие, in Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, т. I. / Пер. и доп. О.Н. Трубачева. Москва, 7–10.
- ркулова В.А., 1988: Три русских медицинских термина, *Общеславянский лингвистический атлас*. 1983. Москва, 304–311.
- рпцова М.А., 1989: К этимологии рус. *мормыш*, *мормышка*, *Этимология*, 1986–1987. Москва, 164–171.
- рпщников Ю.В., 1986: Дислектный материал и этимология, *Этимология*, 1984. Москва, 191–198.
- овский областной словарь*, вып. 5: вотвери–выкушать. Ленинград. 1983.
- езневский И.И., *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. I–III. Санкт-Петербург, 1893–1903.
- ’НГ = Филин Ф.П. (ред.), *Словарь русских народных говоров*, т. 1–. Ленинград, 1966–.
- ’Я = Бархударов С.Г. и др. (ред.), *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, т. 1–. Москва, 1975–.
- лстой Н.И., 1968: Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии, in *Славянское языкознание: VI Международный съезд славистов: Доклады советской делегации*. Москва, 339–365.
- инскене В., 1999: *Названия внутренних органов человека и животных в русском языке (Словообразовательная и семантическая реконструкция): Диссертация... доктора гуманитарных наук*. Вильнюс.
- инскене В., 1999а: Этимологические заметки, *Slavistica Vilnensis*, 1999. Вильнюс, 225–227. (Kalbotyra, 48(2).)
- юсер М., *Этимологический словарь русского языка*, т. I–IV. / Пер. и доп. О.Н. Трубачева. Москва, 1986–1987.
- ХСЯ = Трубачев О.Н. (ред.), *Этимологический словарь славянских языков*, т. 1–. Москва, 1974–.
- ückner A., 1927: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków.
- arsz. = Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. (red.), *Słownik języka polskiego*, t. I–VIII. Warszawa, 1900–1927 (1952–53).